

ЗАСЛОН

×

Литрес

ИНЖЕНЕРЫ
СЛОВА

Минпромторг
России

ЛЕДЯНОЕ РУНО

АДЬЯМ ГАТИ

Адьям Гати
Ледяное руно

«Автор»

2026

Гати А.

Ледяное руно / А. Гати — «Автор», 2026

В Антарктиде группа учёных готовит робота АРГО для будущей миссии на Европе — спутнике Юпитера. Суровая стихия, травмы, шторм и авария ставят экспедицию на грань срыва. Руководитель проекта готов пожертвовать всем ради успеха, но его подчинённые выбирают человеческую жизнь. Как далеко можно зайти ради науки? И что это даст лично тебе?

© Гати А., 2026

© Автор, 2026

Адьям Гати

Ледяное руно

Нигде в мире больше нет таких льдов, как в Антарктиде, поэтому тестировать новое оборудование нас отправили именно туда. Научную группу доверили возглавить мне, опытному полярнику и главному конструктору проекта. Помимо меня билет на холодный континент вытянули гидробиолог Мао Янь, очаровательная и скромная девушка, харизматичный гляциолог Яков Северов и аспирант РУДН Коджо Асаре, откликнувшийся на имя Коля. Именно ему в нашей миссии отводилась решающая роль: обучить автономного робота-разведчика АРГО самостоятельно ориентироваться в толще льдов. Аппарат был сконструирован для изучения подповерхностного океана Европы, шестого по счёту спутника Юпитера, и вверен нам в нещадную эксплуатацию на ближайшие пару месяцев.

Причём тут Антарктида с её льдами? Дело в том, что их толщина достигает нескольких километров. Европа тоже покрыта ледовым панцирем, правда, в шесть раз толще. Было бы опрометчиво отправлять туда АРГО, не убедившись прежде, что он сможет справиться с таким внушительным препятствием. Так мы вчетвером и оказались на борту Ил-76, следовавшего по маршруту Кейптаун – станция «Новолазаревская». Тяготы сборов и таможенные споры остались позади – я, наконец, мог вздремнуть.

– Егор Петрович, вас разбудить, когда к материку подлетим? – вежливо осведомилась Мао.

– Да, будь добра.

Гул двигателей убаюкал меня, и в сознании промелькнули собранные в причудливый сон воспоминания. Я снова был молодым и ликвидировал технологический свинарник, в который предыдущие поколения превратили арктические острова. Помощниками мне выступали пингины. Птицы с жадностью набрасывались на любой кусок металлолома, попадавший в их поле зрения, и съедали всё без остатка. Мусор «таял» – пингины пухли. Когда птицы округлялись настолько, что не могли больше ходить, они катились к побережью и срыгивали съеденное в транспортные контейнеры. Я опечатывал их и вертолётom переправлял на корабль.

Должен сказать, что я действительно принимал участие в расчистке тех островов. Мы с коллегой разработали самоходный распилочный комплекс, превращавший старые бочки и прочий мусор в удобную для транспортировки труху. Нам даже выдали награду за вклад в экологию арктического региона. А пингины? Вероятно, я так сильно хотел их увидеть, что материализовал в своём сне.

– Егор Петрович, подлетаем.

Я встрепенулся и открыл глаза. Мао улыбнулась мне и в предвкушении сжала в замок ладони: антарктическое лето было в самом разгаре, и девушке не терпелось скорее насладиться его красотами. Непроницаемо спокойный Коджо сидел через проход и думал о чём-то своём, а Яков плясал с фотоаппаратом у небольшого иллюминатора.

– Сядь, дурак! – велел я.

– Ещё разок, – гляциолог припал глазом к видеоискателю. – Какой кадр! Море – натуральный индиго! А снег – так и светится!

– Сядь и пристегнись! – повторил я громче, и в этот момент самолёт тряхнуло.

Объектив камеры со скрежетом встретился со стеклом, а Яков взвыл от боли. Подавшись назад в проход, он упал на своих соседей, скатился тем под ноги и на карачках прополз к свободному креслу. Я успел заметить, что глаз Якова покраснел, а палец на руке неестественно изогнулся. «Приехали! – мысленно возмутился я. – Гляциолог со сломанным пальцем – всё равно, что балерина в деревянных башмаках».

Самолёт начал снижаться. Я инстинктивно приоткрыл рот, чтобы выровнять давление в слуховом канале, и задумался над тем, как быть дальше. Сломанный палец, конечно, мешает Якову, но не сильно, куда хуже будет, если заплывёт глаз. Антарктическое лето коротко – каждый день простоя мог обернуться для нас катастрофическими последствиями.

– Дурак дураком! – покачал я головой, осматривая своего подчинённого после посадки. – Живо в медпункт! Разгрузку мы сами произведём.

Аэродром представлял собой ряд ярких домиков посреди бескрайней белой равнины. Снег был безжалостно раскатан во всех направлениях. Разгрузочная техника сновала между бортом нашего Ила и менее габаритными самолётами, добавляя новые полосы на этот причудливый снежный узор. Внесли свой вклад и машины. Индийцы, китайцы, немцы – все торопились забрать для своих станций необходимое оборудование и скорее приступить к исследованиям.

– Вот, Антарктида, ты и воплотила в своем снежном краю мечту о единении народов, – подумал я, наблюдая за слаженной работой команд. – Приструнила нашу гордыню своим холодом и отсекала ледяными ветрами любые противоречия.

Выгрузив АРГО, мы направились поприветствовать коллег и обменяться новостями.

– Как поживают ледники, Накшатра? – обратился я к смуглолицему климатологу с выразительными тёмно-кариими глазами.

– Очень хорошо, – отозвался тот, – скорость таяния замедлилась.

– Значит, всемирный потоп нам больше не грозит? – с улыбкой поинтересовался я.

– Точно не грозит! Наша технология позволит стабилизировать ледники. Сначала здесь, а потом и по всему миру.

– Хорошая технология! – похвалил я. – Надеюсь, вы с её помощью не превратите Землю в один сплошной снежок?

– Не-ет! – Накшатра рассмеялся, обнажая белые зубы. – Иначе у нас в стране не смогут выращивать папайю! Моя жена её очень любит.

Ещё эта отважная женщина обожала свою работу и осмотрела, наверное, все озера в оазисе Ширмахера, месте, где располагалась наша и индийская научные станции. Они с Мао Янь сейчас как раз обсуждали открытые недавно новые виды микроорганизмов. Глаза обеих светились от восторга, а руки энергично вздымались, отражая переполнявшие женщин эмоции. Полной противоположностью им выступал немногословный Коджо, но и ему здесь нашлось о чём поговорить.

Тут к нам протолкался мужчина в ярко-красном комбинезоне и резким высоким голосом осведомился, кто здесь собирается исследовать озеро Восток. Накшатра указал на меня.

– Егор Петрович Крутиков, руководитель группы, – представился я бойким голосом. – С кем имею честь?

– Томаш Возняк. Автор теории «Зелёная Антарктида», – поляк самодовольно вздёрнул нос. – На борту вашего аппарата ведь установлены камеры?

– Да, – подтвердил я, тщетно борясь с желанием пошутить: слишком уж этот поляк важничал. – Думаете, наш робонавт обнаружит на дне озера города?

Губы Томаша сомкнулись в тонкую линию и снова разъединились.

– Думаю, вам следует ознакомиться с теорией дрейфа континентов! Тогда все эти шуточки в мой адрес сразу отпадут!

– Будет вам – это просто дружеская колкость! Зачем так болезненно реагировать?

– Дружеская колкость, значит?..

Я примирительно замахал руками, но Томаша было уже не остановить. Он крайне нелицеприятно отозвался об АРГО и подверг необоснованной, на мой взгляд, критике саму идею полёта к Европе. В особенности поляк отыгрался на нашей системе стерилизации корпуса: какой-нибудь вирус да пропустит, и прощай хрупкая экосистема внеземного мира.

– Надеюсь, я не слишком задел вас своей «дружеской колкостью», – бросил он напоследок.

– Отнюдь, – я вмиг посерьёзnel. – Признаю, пошутил я не к месту. Сделай вы мне замечание, совершенно оправданное, хочу заметить, я бы бровью не повёл. Но этот спектакль!.. Вы ведёте себя как ребёнок. Капризный ребёнок с научной степенью.

Поляк побагровел от гнева и широким шагом направился прочь.

– Зачем подходил? – изрёк немногословный Коджо, глядя ему вслед. – Чудной человек.

– Типичный нарцисс, – согласно хмыкнул я.

– Егор, Егор! – покачал головой Накшатра. – Плохого человека разозлил – мстить тебе будет.

Я только пожал плечами: всем мил не будешь. Да и что может этот Томаш? На его стороне были неподтверждённые доводы из сомнительных источников, а на нашей – официальное разрешение на проведение исследовательских работ в районе озера Восток. Мы имели полное право вторгнуться в эти древние воды, и один палеонтолог, при всём его желании, повлиять на это никак не мог. Пусть и дальше строит свои теории о древних городах и неведомых технологиях, мы же пробьёмся сквозь четырёхкилометровый слой льда и покажем, что находится на дне озера на самом деле.

АРГО преодолеет эти четыре километра, в этом я не сомневался. Куда труднее будет вернуться. Вниз аппарат мог опускаться под действием силы тяжести, двигаясь же вверх, он должен будет её преодолевать. Нам пришлось изрядно попотеть, чтобы придумать, как вернуть АРГО обратно на поверхность, но игра стоила свеч, ведь речь шла о возможности открыть иную жизнь. Скорее всего, она окажется микроскопической, но и это даст нам достаточно пищи для размышлений. Взять хотя бы такие составляющие, как абсолютная темнота и колоссальное давление – именно к таким условиям пришлось бы приспособливаться потенциальным жителям Европы.

Не стоит обходить вниманием и многовековые отложения льда – этакую лестницу времени. Земной лёд мог многое поведать нам о климате минувших эпох, а лёд Европы, соответственно, позволил бы прикоснуться к прошлому Солнечной системы. Мне очень хотелось, чтобы именно АРГО открыл для человечества этот уникальный новый мир, и ради свершения своей мечты я был готов работать ночи напролёт.

На этой возвышенной ноте я попрощался с индийцами и отправился вызволять Якова из медпункта. Не сказать, чтобы я сильно на него злился, однако счёл своим долгом заострить внимание на вопросе соблюдения дисциплины.

– От тебя, Северов, многое зависит, поэтому ты мне нужен живым и здоровым!

– Понял я, – буркнул тот в ответ.

– Понимать мало – делом докажи, – я неодобрительно покосился на фингал под глазом Якова. – Ещё одна травма – применю штрафные санкции. Лишу тебя камеры.

Увидев нас, Мао замахала руками и громко закричала.

– Егор Петрович! Смотрите, здесь пингвин!

Мы с Яковым приблизились к вездеходу и увидели чёрно-белого красавца, с важным видом вышагивавшего вдоль нашего транспорта. Ни люди, ни техника его нисколько не пугали.

– Это пингвин Адели, – пояснил нам водитель, – сюда они редко забредают, а вот на побережье от них сейчас спасу нет. Сами увидите.

– А кто-то мог бы и не увидеть! – поддел я Якова.

Гляциолог виновато втянул голову в плечи и скорее забрался в салон.

Поездка нам предстояла долгая, так что добрались к месту назначения мы аккуратно к ужину и не поверили, что находимся в краю вечных снегов. Голые камни подставляли тёплым лучам свои ржавые бока, прибрежные льды устремлялись в море. Со стороны камбуза доносились крики поморников, а пингвины Адели оккупировали береговую линию. Попадались и

люди: кто без шапок, кто в накинутом наспех пуховике. Незаходящее полярное солнце позволяло учёным работать круглые сутки, и жизнь на станции кипела. Продвигаясь вдоль разноцветных модулей по полимерному антискользящему настилу, я думал о том, сколько сил вложили люди в освоение этого континента. Антарктида не давалась без боя, однако мы всё-таки побеждали – пусть и медленно, но брали своё. Эта негостеприимная земля была нужна нам, чтобы лучше понять своё место в мире. Здесь во льдах покоилась история тысячелетий.

– С прибытием, Егор Петрович, – начальник станции протянул мне широкую мозолистую ладонь. – Как долетели?

– Как на пёрышке, – весело отрапортовал я. – Навестим камбуз и готовы приступить к погрузке. Не терпится выйти в море.

Лицо Игоря Семёновича посмурнело, и я тоже прекратил улыбаться.

– Обед – ваше святое право, накормим. С погрузкой же придётся повременить, – широкие седые брови мужчины сомкнулись, навевая дурное предчувствие, – зафрахтованный вами корабль будет только через три дня.

– Как же это?

– Непредвиденные обстоятельства, – Игорь Семёнович потёр бороду. – Без дела, однако, я вам сидеть не дам. Гляциолога одолжу для проведения полевых работ. Вас попрошу помочь механикам, ну и всяко по мелочи. Лишние руки не помешают. И другим работа найдётся... – мужчина уставился куда-то вдаль, обдумывая сказанное. – Ступайте, после ужина поговорим. Расписание нарушать нельзя.

Я откланялся и пошёл разыскивать подчинённых. На сердце было беспокойно: Игорь Семёнович так и не озвучил мне причину, по которой задерживался корабль. Под непредвиденными обстоятельствами можно было понимать что угодно, от поломки мотора, до чьей-нибудь смерти. Антарктида – край суровый, случается всякое.

Мао и Якова я обнаружил за выслеживанием пингвинов Адели. Гляциолог со своей вездесущей камерой ползал за птицами в поисках подходящего ракурса, а Мао пыталась отыскать среди камней гнездо.

– Что, Яша, не мешает тебе сломанный палец фотографировать? – укоризненно бросил я, подходя ближе.

Яков вздрогнул и обернулся на голос.

– Так то лишь вывих, Егор Петрович, – пробасил он виноватым тоном, – на раз два оклемаюсь. А это я для истории. Сами ведь захотите вспомнить о нашей экспедиции.

– Знаю я твою историю! – я показательно нахмурил брови. – Помни, Северов, что фотография – это искусство! Увлечение между делом, которое ни в коем случае не должно мешать твоей основной работе!

Не любил я подобным образом отчитывать подчинённых, но Якову стоило напомнить о его обязанностях. Он попал сюда потому, что как никто разбирался во льдах: условиях их образования, свойствах и структуре. Именно он консультировал наших конструкторов на этапе разработки и помогал выявлять недочёты конструкций. В какой-то степени АРГО родился именно благодаря ему, и теперь Якову вместе с Коджо предстояло обучить аппарат передвигаться во льдах. Я хотел, чтобы гляциолог отнёсся к этой задаче со всей ответственностью, а не бегал за птицами.

– Ладно, будет! – смягчился я. – Время ужинать – ступайте на камбуз, а я пойду разыщу Колю.

– Не надо искать – он уже там, – махнул рукой Яков. – Сразу пошёл, как только услышал, что скоро кормить будут.

– Там тепло, – Мао Янь улыбнулась. – Это мы к холоду приучены, а он страдает.

Игорь Семёнович сдержал своё слово и каждому из нас нашёл занятие. Коджо он определил в радиорубку, Якова отправил вместе с некой Севцовой обследовать ледовые пещеры, а Мао разрешил помогать ботаникам. Я же поступил в распоряжение ведущего инженера-механика станции. Я любил работать руками, а он умел доходчиво объяснять, чего хочет, так что мы сразу нашли общий язык.

– Сколько у тебя на счету зимовок, Матвеич? – спросил я у сибиряка, скрывшегося наполовину под корпусом вездехода.

– Девять, – раздалось приглушённое бурчание.

– И не хочется на большую землю?

– Жену бы сюда выписать – я бы вообще Антарктиду не покидал! – курчавая голова Матвеича высунулась из-под корпуса. – Давай аккумуляторы проверим. Не пойму, почему не заряжает.

Перевод транспорта на электрическую тягу произвёл настоящую революцию в освоении шестого континента. Компактные самолёты позволяли оперативно доставлять группы исследователей в любую точку в пределах нескольких сотен километров. Больше не нужно было тратить недели на заброску и переживать, что выйдет из строя оборудование. Эвакуировать пострадавших также стало значительно проще. Если же погода стояла нелётная, а такое в Антарктиде случалось часто, эстафету у авиации принимали вездеходы и скоростные аэросани. Заряжали и обслуживали технику в специальных «тёплых» ангарах, где круглогодично поддерживалась плюсовая температура. В одном из них мы с Матвеичем сейчас как раз и находились.

– Часто у вас такие поломки случаются? – спросил я, откатывая к проверочному стенду тележку с аккумуляторами.

Сибиряк отрицательно мотнул головой: если только машину переморозят или снег внутри забьётся и контакты окислит. В целом же аккумуляторы хорошо себя показывают.

– Однако вездеходы у нас всё ещё на гибридном ходу. Летом так, а зимой, бывает, полностью на дизель переводим.

– А случалось такое, что прямо в экспедиции ломались, и группа вернуться не могла?

– Конечно! – Матвеич деловито сощурился. – Корпуса мы из морозостойких материалов делать научились, а двигатель, он металла требует. Металл холода не любит... Вот ж она где собака-то зарыта! Ну теперь точно почию!

Неполадка была обнаружена, и мужчина двинулся за инструментом.

– А твой аппарат на чём работает?

– На синтезе ядерной энергии, – озвучил я важным голосом.

– Дела! – механик присвистнул. – Это в ту маленькую коробочку? И целый реактор?!

Я кивнул.

– Кто ж до такого додумался?

– Тут работа коллективная, – я поднял вверх руку и приготовился загибать пальцы. – Твои земляки, Матвеич, изобрели саму технологию. Ребята из Заслона разработали для нас микроконтроллеры и управляющие чипы. Мэишники сконструировали особой формы теплообменник. А мой отдел, в свою очередь, собрал всё это воедино и ухитрился разместить внутри корпуса АРГО. Задача со звёздочкой, как говорится.

– Мда! Умельцы!.. – механик почесал затылок. – Ладно, отвлеклись мы, давай ремонтом займёмся.

Признаться честно, я бы предпочёл поработать в самолётном ангаре: вездеходы были мне хорошо знакомы, а с крылатой техникой иметь дела не доводилось. Я даже немного завидовал

Якову: полетел к своим пещерам на новеньком самолёте, и ледник увидит, и горную гряду оазиса Ширмахера.

– Чего это? – Матвеич вдруг напрягся и отложил в сторону инструмент. – Кажись, Буряша летит. Что-то рано они.

Буряшей сотрудники станции ласково именовали самолёты модели «Буревестник». Учитывая, в какие ветра могли летать эти птицы, название вышло говорящее.

Я подался за Матвеичем наружу и стал свидетелем виртуозной посадки самолёта на расчищенную от камней площадку. Едва пилот заглушил двигатели, к машине кинулись люди с носилками. Я судорожно сглотнул: не к добру это, ой, не к добру.

К ангару подбежала Мао.

– Егор Петрович, там Яков!.. – голос девушки срывался, а в глазах блеснули слёзы. – Якова привезли!

Я бросился в медпункт как был, без куртки и в рабочих перчатках, и прибежал туда едва ли не раньше, чем сотрудники станции доставили пострадавшего. Яков был бледен как лёд, который он так любил изучать. Нижняя губа и подбородок мужчины были разбиты в кровь, рукав куртки разорван, а проглядывавшая из-под него рука обездвижена. Я рванул было к носилкам, но чьи-то сильные руки остановили меня.

– Тише, Егор, тише! – я обернулся и увидел Матвеича. – Врачи у нас хорошие. Как закончат – сразу тебе сообщат. Пойдём, Егор, не будем им мешать.

Я шагнул следом за мужчиной и позволил Мао накинуть себе на плечи пуховик. В глазах помутнело, и я не сразу узнал подошедшую к нам женщину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.